

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 109–118.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 3 (84):109–118.

Научная статья

УДК 821.161.1-1.09«18»

DOI 10.37724/RSU.2024.84.3.013

Функция образов маньчжуров (китайцев) в пейзажной лирике Л. П. Волкова

Чжай Ли

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия;
Харбинский научно-технический университет, Харбин, Китай
zhaili1225@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена особой значимостью в современных реалиях вопросов, связанных с межкультурным взаимодействием, с необходимостью развития и углубления взаимопонимания народов двух соседних стран — России и Китая. Осознание общности исторических судеб находящихся в одном геополитическом и социокультурном пространстве государств, а также близости ценностных представлений населяющих их народов в течение длительного времени происходило в разных сферах гуманитарной деятельности, в том числе в художественной литературе. Материалом для исследования послужила лирика одного из самых значительных дальневосточных поэтов конца XIX века Л. П. Волкова (1870–1900), рассматриваемая в аспекте отражения в ней авторского восприятия маньчжуров (китайцев). Цель статьи — реконструкция мировосприятия лирического субъекта, позволяющая получить объемное представление об отношении автора, транслирующего точку зрения широких слоев российского образованного общества, к представителям живущего на противоположном берегу Амура этноса. Научная новизна работы заключается в установлении функций образов китайцев в образной системе пейзажных стихотворений Волкова. В результате проведенного исследования удалось прийти к следующим основным выводам. Пейзажные зарисовки, в которых в поле зрения автора попадают китайцы, имеют элегический характер, что характеризует не только формальные эстетические предпочтения автора, но и его мировоззрение и мироощущение. В элегической картине мира, воссоздаваемой по этому, маньчжуры являются естественной, органичной частью не только амурского природного ландшафта, но и всего универсума — единого космоса. Воссоздавая реалии описываемой местности и национального колорита обитателей правобережья Амура, автор проявляет уважение к трудолюбивым китайцам, занятым нелегкой мирной работой. В художественном мире лирики Волкова Амур — граница, разделяющая, но одновременно и соединяющая, связывающая русских и маньчжуров, Россию и Китай. Практическая значимость статьи состоит в возможности использования ее результатов и выводов в дальнейшем изучении истории межкультурных контактов России и Китая, в спецкурсах, посвященных истории литературной жизни Дальнего Востока, в дальнейшем изучении творчества Л. П. Волкова.

Ключевые слова: лирика, Л. П. Волков, мотивы, тема Китая, элегия.

Для цитирования: Чжай Ли. Функция образов маньчжуров (китайцев) в пейзажной лирике Л. П. Волкова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 109–118. DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.013.

Original article

The function of Manchurian (Chinese) characters in L. P. Volkov's landscape lyrics

Zhai Li

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia;
Harbin University of Science and Technology, Harbin, China
zhaili1225@mail.ru

© Чжай Ли, 2024

Abstract. The relevance of the study lies in special significance of modern conditions to intercultural interaction, the need to develop and deepen mutual understanding between the peoples of two neighboring countries, Russia and China. The realization of the commonality of historical destinies of the states located in this geopolitical and socio-cultural space, as well as the closeness of value perceptions of the peoples inhabiting the areas, has happened over a long time in different spheres of humanitarian activity, including literary fiction. The material for the study was the lyrics of one of the most significant Far Eastern poets of the late 19th century, L. P. Volkov (1870–1900), considered in the aspect of the reflection of the author's perception of the Manchureans (Chinese). The purpose of the research is to reconstruct the worldview of the lyrical hero, which allows us to get a more comprehensive view of the author's attitude to the representatives of the ethnos living on the opposite bank of the Amur River. The scientific novelty of the work consists in establishing the functions of the images of Chinese people in the poetic system of Volkov's landscape lyrics. As a result of the conducted research, we arrived at the following conclusions. The landscape sketches in which Chinese characters fall into the author's field of vision are elegiac in nature, which characterizes not only the formal aesthetic preferences of the author, but also his worldview. In the elegiac picture of the world created by this poet, the Manchurians are a natural and organic part not only of the Amur River natural landscape, but also of the whole universe — the unified Cosmos. Recreating the realities of the described area and the national coloring of the inhabitants of the right-hand bank of the Amur, the author shows respect for the Chinamen engaged in hard peaceful work. In the artistic world of Volkov's lyrics, the Amur is a border that divides, but at the same time connects and links Russians and Manchurians, Russia and China. The practical significance of the present article lies in the possibility of using its results and conclusions in further study of the history of intercultural contacts between Russia and China, in special courses devoted to the history of literary life of the Far East, and in further study of L. P. Volkov's works.

Keywords: lyrics, L. P. Volkov, motifs, Chinese themes, elegy.

For citation: Zhai Li. The function of Manchurian (Chinese) characters in L. P. Volkov's landscape lyrics. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 3 (84):109–118. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.013.

Введение

По выражению историка литературы Сибири и Дальнего Востока рубежа XIX–XX веков А. В. Лосева, Леонид Петрович Волков (1870–1900) — «первый амурский поэт» [Лосев, 2005, с. 31]. Определение «первый» в данном случае имеет не столько хронологический аспект (по факту первым поэтом на Амуре, переехавшим сюда в середине 1880-х годов и опубликовавшим здесь в 1894-м первый поэтический сборник, был не Волков, а Порфирий Масюков) (см.: [Масюков, 1894]), сколько качественный. П. Ф. Масюкова (1848–1903) ученый именовал «поэтом-самоучкой», то есть автором непрофессиональным, не вполне полноценным в художественном плане, Волкова же он считал первым в Амурском крае настоящим поэтом: «Волков более профессионален, его отличает более высокий уровень поэтической культуры» [Лосев, 2011, с. 34]. По оценке Лосева, «лучшие стихотворения Волкова, проникнутые настроениями лирической грусти, очень искренние, подчас трогательные предельной обнаженностью чувства, выделялись на фоне заурядных любительских опытов в стихах, которые... заполняли страницы тогда еще немногих краевых газет» [Там же, с. 32].

В советское время о Волкове — сотнике Амурского казачьего полка, офицере-монархисте, погибшем «за веру, царя и отечество», почти не вспоминали. В последние три десятилетия интерес к его личности и творчеству возрастает, но работ научного, литературоведческого характера по-прежнему нет. Зато появилась статья, в которой на основе изучения уникальных архивных источников устранены многочисленные «белые пятна» в биографии поэта (см.: [Гаршин, 2023]).

Несколько слов об авторе. Леонид Петрович Волков родился 3 мая 1870 года в Санкт-Петербурге в семье военного топографа, дослужившегося до чина подполковника. Рано потеряв родителей (мать — в три года, отца — в восемь), в течение более 10 лет Леонид провел в казенном учебном заведении — Гатчинском Николаевском сиротском институте. В 1888-м восемнадцатилетний Волков радикально изменил вектор своей жизненной судьбы: отправился на восточную, не так давно присоединенную окраину Российской империи, в далекий Благовещенск, и поступил там на службу в Амурский казачий полк. После окончания Иркутского юнкерского училища (1889–1892) и возвращения в Благовещенск Волков получил чин подхорунжего, а спустя некоторое время сотника. 21 июля 1900 года во время российско-китайского вооруженного конфликта он погиб в бою и через два дня был похоронен на военном кладбище Благовещенска.

В течение всего времени пребывания на Амуре Волков в свободное от службы время интенсивно занимался поэтическим творчеством. За отсутствием в административном центре Амурской области периодики первые публикации его стихов состоялись в 1893 году во Владивостоке — в газете «Дальний Восток». В этом периодическом издании напечатана значительная часть того, что Волков создал. Во второй половине 1890-х годов поэт в основном публиковался в «Амурской газете», выходявшей в Благовещенске с 1895 года. Изредка его стихи печатались в иркутском «Восточном обозрении», в некоторых других периодических изданиях Сибири. При жизни Волков выпустил в Благовещенске два поэтических сборника: «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899). И уже после гибели поэта, в 1902-м, в Хабаровске вышло посмертное, наиболее полное издание его стихов и прозы (см.: [Сочинения Л. П. Волкова, 1902]). После этого в течение 120 лет произведения Волкова не переиздавались. Лишь недавно большая подборка стихов «первого амурского поэта» вошла в первый том книжной серии «Из золотого фонда литературы Приамурья» (см.: [Амурские лирики ... , 2023, с. 10–52]).

Основная часть

Жанровый диапазон лирики Волкова весьма широк: в его творческом наследии есть пейзажные зарисовки, элегии, послания, эпитафии, инвективы, стихи, рисующие образы людей, воссоздающие их жизненные истории. И почти во всех его стихах разных жанров и жанровых разновидностей присутствуют или даже преобладают элегические мотивы и интонации.

Волков воспевал суровую красоту и мощь дальневосточной природы, выражал нежные чувства к любимой; обращаясь к теме исторического прошлого края, прославлял участников так называемого «амурского дела» и обличал своих современников, разменявших высокие общественные и духовные идеалы на культ наживы, погрязших в разврате, пошлости и рутине. Тема Китая, российско-китайских отношений — одна из сквозных в его творчестве. На это повлияло несколько факторов: само пребывание Волкова на Амуре, в Благовещенске, где был довольно высокий процент китайского населения; служба в Амурском казачьем полку, основная задача которого — обеспечение безопасности России на дальневосточных рубежах, подготовка к отражению возможного вторжения со стороны сопредельных государств, в том числе Китая. Свою роль сыграло и широкое обсуждение в российской печати рубежа XIX–XX веков вопроса о так называемой «желтой опасности», якобы исходящей от Китая, китайцев. Такие мысли, в частности, высказывал даже А. П. Чехов в письме, отправленном из Благовещенска редактору-издателю «Нового времени» А. С. Суворину: «Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух. <...> Китайцы возьмут у нас Амур — это несомненно» [Чехов, 1975, с. 127].

Стихи Волкова, в которых он касается темы Китая, представляют особый интерес, так как по ним можно судить о взглядах не только самого поэта, но и нескольких сословных, профессиональных групп, к которым он принадлежал, а также российского образованного общества в целом.

Опираясь на жанрово-стилевые и проблемно-тематические критерии, стихи Волкова, в которых он размышляет о Китае и китайцах (маньчжурах), можно разделить на три группы: 1) элегии, максимально близкие к канону, к их числу относятся прежде всего пейзажные зарисовки; 2) элегии, включающие в себя элементы инвективы; 3) исторические элегии. В данной статье рассматривается первая группа — пейзажные зарисовки, в которых в поле зрения лирического субъекта попадает противоположный, правый берег Амура и те, кто там живет и трудится. Эти произведения имеют элегический характер, соответствующую тональность, образность и лексику.

Как известно, элегия — жанр лирической поэзии, ведущий свои истоки с Античности, но достигший вершины развития в поэзии романтизма, в том числе русского. В литературе нового времени элегией принято называть лирическое стихотворение, «закрывающее в себе размышления поэта и выражение его чувств, преимущественно печальных» (цит. по: [Лермонтовская энциклопедия, 1981, с. 629]). Подобные представления, очевидно, отталкиваются от известной формулировки В. Г. Белинского в статье «Разделение поэзии на роды и виды»: «Элегия собственно есть песня грустного содержания» [Белинский, 1954, с. 50].

В русской литературе к жанру элегии стали обращаться еще в XVIII веке, в период классицизма (А. П. Сумароков), но подлинный расцвет он пережил в эпоху романтизма. На раннем этапе активно разрабатывали эту жанровую форму, во многом отталкиваясь от традиций европейского романтизма, В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. После того как в середине 1820-х годов

элегия пережила кризис, «пути внутреннего обновления элегического жанра, его тематики и стиля были найдены А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, Н. М. Языковым, позднее М. Ю. Лермонтовым и Н. А. Некрасовым» (цит. по: [Фризман, 1975, стб. 867]). Но на этом история данной жанровой формы не завершилась, она продолжает существовать и развиваться и поныне. По мнению современного исследователя элегии неканонического периода В. И. Козлова, «вопреки сложившемуся в науке мнению, этот жанр жив и разнообразен» [Козлов, 2013, с. 6]; «элегия — живой жанр, который активно используется в течение всего того времени, когда идут разговоры о крахе жанрового мышления. При этом используется он не по привычке, а как жанр, всякий раз отвечающий на потребности своего времени» [Козлов, 2011, с. 80].

Волков в наибольшей степени испытал влияние М. Ю. Лермонтова, особенно при обращении к таким жанровым разновидностям, как элегия-инвектива и историческая элегия. Что касается пейзажных зарисовок, то в них проявились элегические традиции менее драматичного типа, не связанные с выражением так называемой «романтической неудовлетворенности» окружающей действительностью.

Обратимся к двум интонационно и содержательно родственными произведениям, в которых запечатлеваются схожие амурские пейзажи, фигурируют однотипные образы. В обоих поэт рисует Амур в вечернюю пору, небосвод с загорающимися на нем звездами, пароход, в первом случае причаливший к берегу, во втором — плывущий. В том и другом произведении лирический герой, находящийся на пароходе, смотрит на правый берег реки. В обоих упоминаются маньчжуры, живущие на том берегу.

Первое, «Зеркальное лоно Амура...», было опубликовано 6 июня 1893 года в газете «Дальний Восток». Второе, «Бросает на небо заря позолоту...», тоже созданное летом 1893-го (и датированное этим годом), напечатано в «Дальнем Востоке» ровно через девять месяцев — 6 марта 1894 года. Возможно, автор не хотел, чтобы читатели заметили поразительное, до буквальных совпадений, сходство двух написанных в одно время и в одном месте произведений, и потому «развел» их по времени публикации. В результате вторая «летняя» пейзажная зарисовка пришла к читателям с существенной задержкой — в начале первого весеннего месяца следующего года, когда Амур еще был скован толстым льдом.

Оба стихотворения созданы в районе Хингана на пароходе, плывущем из Благовещенска вниз по Амуру, то есть, очевидно, во время одной из служебных командировок Волкова на Нижний Амур, в Николаевск-на-Амуре, откуда обычно в Амурский казачий полк доставлялись оружие и амуниция.

Обратимся к начальному четверостишию первой зарисовки:

Зеркальное лоно Амура
Купается в бледной тени...
На том берегу у маньчжура
Вечерние блещут огни... (с. 24) ¹

Является ли зарисовка элегической по тональности? Если исходить из шаблонного представления об элегичности, то вроде бы нет. В широком, общепринятом смысле элегия — лирическое стихотворение, проникнутое настроениями грусти, печали. Традиция такого восприятия элегии в России шла, как уже отмечалось, от Белинского и в советскую эпоху сомнению практически не подвергалась. Л. Г. Фризман приводит высказывания классиков советского литературоведения об элегии: «стихотворение, выражающее неудовлетворенность жизнью, разлад между идеалом и действительностью и потому проникнутое грустными настроениями» (Г. Н. Пospelов), «стихотворение, выражающее грусть по поводу какого-либо печального события» (Г. Л. Абрамович), «стихотворение грустного, печального характера» (Л. И. Тимофеев) [Фризман, 1973, с. 6]. В анализируемом стихотворении Волкова есть тонкость рисунка, легкость и ясность стиля, есть настроение задумчивости, но нет печали. Обязательна ли она для романтической элегии? Вовсе нет, в русской поэзии со времен Жуковского сложилось представление, что элегия может выражать различные оттенки чувства, например мечтательность. А уже в эле-

¹ Стихотворения Л. П. Волкова цит. по: [Амурские лирики ... , 2023] с указанием страниц.

гиях Пушкина и Баратынского место традиционной «грусти» очень часто занимала психологически конкретная ситуация, вызывающая у автора определенное настроение или размышление.

У Волкова все именно так: пейзажная картина, которая открывается взору лирического героя, располагает его к созерцательности, вызывает у него настроение умиротворенности. А это, в свою очередь, рождает ощущение, что данный амурский пейзаж — малая часть огромного мироздания, в котором все соразмерно, взаимосвязано и дополняет друг друга.

В процитированной строфе поэт рисует ближний план: вечерние, постепенно сгущающиеся сумерки, ровную, спокойную гладь реки, в которой, как в зеркале, отражается противоположный берег, мелькающие там огни. Кроме того, в мир природный поэт «вписывает» людей, причем лишь тех, кто живет на противоположном берегу Амура: огни блещут «у маньчжура» (единственное число здесь употребляется в значении множественного, следует читать: у маньчжуров). Сами жители правого берега не показаны, не видны, лирический герой судит о том, что они там есть, по «огням», освещающим их жилища. В той элегической картине, которую создает автор, маньчжуры воспринимаются как совершенно естественная, органичная часть амурского ландшафта, как полноправные обитатели этих мест. То есть у Волкова, человека европейски образованного, дворянина, офицера, воина, нет ни малейшего предубеждения против жителей Китая, ни даже тени снисходительности по отношению к ним. Тем более нет враждебного отношения к тем, кто живет на противоположном берегу Амура.

Как известно, река в коллективном сознании и коллективном бессознательном многих народов воспринимается как граница противостоящих друг другу, часто враждебных миров. Особенно характерно это для территорий, где граница между государствами проходит по берегам рек: «Как правило, за рекой начинается другой мир, чужая культура, и часто они предстают как враждебное» (цит. по: [Кусмидинова, 2009, с. 190]). Подобные проявления архаического сознания совершенно не характерны для Волкова-лирика, для него более естественны иные, тоже имеющие мифологические истоки, представления. Суть их состоит в том, что река является «источником стабильности и порядка» (цит. по: [Там же]).

Не стоит забывать, что в Приамурье на рубеже XIX–XX веков нередки были случаи высокомерно-пренебрежительного или даже уничижительного отношения к китайцам (маньчжурам). Это весьма распространенное явление, в частности, критически осветил амурский сатирик Федор Чудаков в фельетонах «К чумной опасности», «Баллада недалекого будущего», «Накись дня (*Сахалин. По старой моде...*)», «Куски жизни (Слезу точит отчаянно...», «Союзник». Данные произведения подробно проанализированы в одной из глав диссертации, посвященной стихотворной сатире Чудакова (см.: [Лю Ин, 2023, с. 17–56]).

Обычно китайцев, живших в Благовещенске и его окрестностях или приезжавших сюда из Китая работать или торговать, российские обыватели называли «хóдями». *Ходя* (разг., устар., искаженная форма китайского слова *ходди*, 伙计, букв. ‘напарник’, ‘друг’, ‘товарищ’, ‘брат’) — в речевой практике начала XX века пренебрежительное или снисходительное наименование китайца или обращение к нему. Увидеть в «ходе» человека, тем более равного, достойного уважения, в ту пору дано было далеко не всем. На это были способны в первую очередь подлинно интеллигентные, образованные, культурные люди, обладавшие развитым гуманистическим сознанием. Например, Чехов, который, рассказав о встрече в Благовещенске с китайцем, которого он пригласил в буфет, делает следующий вывод: «Ужасно вежливый народ. Одеваются бедно, но красиво, едят вкусно, с церемониями» [Чехов, 1975, с. 127]. И точно так же, уважительно, к китайцам относится Волков, что нашло отражение во множестве его произведений разных жанров: «Дедушка Денисов» (1893), «В соседстве гольда и маньчжура...» (1894), «Под небом Франции далекой...» (1898) и др.

Во втором четверостишии изображение меняется, на смену ближнему плану приходит дальний: вечерний, постепенно становящийся ночным небосвод, загорающиеся на нем звезды, восходящая луна:

Звезда за звездой выступает;
Блестящая всходит луна,
И тихо земля засыпает
В объятьях волшебного сна... (с. 24)

Но самое важное изменение заключается в том, что на смену *горизонтали* как пространственной доминанте изображаемой картины приходит *вертикаль*. Во второй строфе внимание лирического субъекта концентрируется на том, что находится существенно выше линии горизонта: на небе, звездах, луне. В результате природная картина, рисуемая Волковым, начинает расстилаться не только вширь, вдаль (первая строфа), но и ввысь (вторая строфа), усиливая ощущение нерасторжимой связи земли и неба. Взгляд поэта охватывает мир как целостность, как единство составляющих его сфер и элементов. И в этом упорядоченном, совершенном мироздании есть свое законное место у маньчжуров, живущих на правом берегу Амура.

Мир, запечатленный в стихотворении «Зеркальное лоно Амура...», — не линейный, не плоскостной, не замкнутый, а напротив, объемный, открытый, хотя и статичный. При этом основной пространственный вектор поэт направляет вверх, к небу, к звездам. Какую смысловую функцию выполняют эти образы? Звездное небо, которое созерцает находящийся на линии соприкосновения двух государств — России и Китая — лирический герой (и этого стихотворения, и следующего, о котором речь впереди), позволяет ему ощутить и себя, и жителей правого берега реки частью универсума — единого космоса. Земное и космическое в художественной картине мира Волкова не противопоставляются, не существуют изолированно друг от друга. Освещающие ночное небо звезды служат зримым доказательством существования «света свыше», и в этом льющемся сверху свете лирический герой ощущает себя причастным вечности.

Финальная строчка второго четверостишия призвана проиллюстрировать не только единство земного и небесного, но и подвластность земли небу. В картине мира, созданной Волковым, земля радостно подчиняется космическим законам и блаженно погружается в сон: «И тихо земля засыпает / В объятьях волшебного сна...» (с. 24). Земля ночью «уходит в тень», таинственно, волшебным образом преобразуется, становясь частью безбрежного космического пространства. Изображенное в стихотворении пространство не выглядит замкнутым, ограниченным («конечным»), напротив, оно является открытым, бесконечным, а, как известно, «пространственная категория бесконечного идентична временной категории вечного» (цит. по: [Федоров, 1988, с. 116]). Иначе говоря, взгляд лирического героя стихотворения «Зеркальное лоно Амура...» — это прежде всего взгляд одухотворенного человека, обладающего религиозным мироощущением.

В третьем, заключительном четверостишии внимание лирического субъекта вновь сосредоточивается на ближнем плане, но теперь, главным образом, на пароходе:

Лишь гулом дрожащим смущая
Безмолвие дремлющих вод,
У мола, пары выпускаая,
Пришедший шипит пароход (с. 24).

Подробнее о том, какую роль в стихотворениях Волкова об Амуре играет образ парохода, будет сказано ниже, когда речь пойдет о следующем стихотворении. Пока же отметим, что в данном случае пароход, как и вся природа, пребывает в статичном положении, в состоянии полудремы. Он не движется, а, стоя у причальной стенки, выпускает пар. И потому лишь слегка диссонирует с «заснувшей» землей, с «дремлющими» водами, немного «смущая» их.

Попутно можно отметить мастерское использование Волковым приемов эвфонии — звукописи, звукоподражательных повторов, призванных усилить фонетическую выразительность стиха. С помощью ассонансов и аллитераций поэт передает и гул (повтор звука *у*), издаваемый пароходом, его паровой машиной, и шипенье выпускаемого пара (отдельные звуки: *ж*, *ш*, *щ*, каскады звуков: «дрожащим смущая», «пришедший шипит»).

Следующее стихотворение начинается примерно так же, как предыдущее:

Бросает на небо заря позолоту,
И медленно гаснет, темнеет Амур...
Уже отдыхает, закончив работу,
Под кровлею фанзы усталый маньчжур (с. 24).

Лирический герой и этого элегического по тональности стихотворения в закатный час находится на палубе парохода и тоже созерцает вечернюю зарю на Амуре. Есть, правда, и отличия, обусловленные тем, что здесь изображается более ранняя фаза вечернего заката. Об этом можно судить по ряду характерных деталей. Во-первых, пейзажная картина здесь «раскрашена» в цвета, чего не было в предыдущем стихотворении: небосвод здесь «позолоченный» (первая строфа) и «лазоревый» (вторая строфа). Во-вторых, если в стихотворении «Зеркальное лоно Амура...» на «маньчжурском» берегу виднелись только огни, то здесь лирический герой различает «фанзу», под кровлей которой «отдыхает» «усталый маньчжур». Экзотизм (заимствованное слово, обозначающее реалии другой страны или иного культурного сообщества) (см.: [Комлев, 2006]) «фанза» используется поэтом для наименования традиционного жилища коренных народов на северо-востоке Китая, в частности маньчжуров. Фанза представляет собой прямоугольное, как правило, двух- или трехкомнатное строение каркасного типа с соломенными, саманными или кирпичными стенами и двускатной крышей — соломенной, тростниковой или черепичной. Слово, служащее для обозначения традиционного маньчжурского жилища, в русский язык было заимствовано из китайского и при этом несколько искажено в сравнении с оригинальным звучанием. Слово «фанза» в Китае произносится как 房子 (*фан-цзы*, букв. 'дом') (см.: [现代汉语词典 [Современный словарь китайского языка], 2020, с. 370]). Возможно, искажение связано с особенностями северо-восточного диалекта, но скорее всего оно подверглось трансформации, как почти каждое китайское слово, использовавшееся в русско-китайском пиджине рубежа XIX–XX веков. Экзотизм «фанза» понадобился Волкову для максимально точной передачи реалий описываемой местности и национального колорита обитателей правобережья Амура.

В данном стихотворении, в отличие от предыдущего, «маньчжур» — уже не абстракция, не отвлеченный образ, он обретает, пусть по минимуму, конкретные черты. Он живет в фанзе, куда возвращается лишь вечером, окончив нелегкую работу. Об этом свидетельствует эпитет «усталый», являющийся не только средством характеристики маньчжура (маньчжуров), его образа жизни, но и формой выражения отношения к нему автора. По этому эпитету можно понять, что Волков испытывает глубокое уважение к трудолюбивым китайцам, занятым нелегким мирным трудом, в поте лица добывающим себе хлеб насущный.

Во втором четверостишии появляется образ парохода:

Ложится молчанье на лоно природы;
Огни зажигает лазоревый свод,
И будит и гонит шумящие воды
Железною грудью своей пароход... (с. 24)

В отличие от третьего четверостишия стихотворения «Зеркальное лоно Амура...», где пароход дремлет у пристани, здесь он находится в движении: не «смущает», как там, «дремлющие воды», а «будит» и «гонит» их, преодолевает их сопротивление. В первом стихотворении пароход не был воплощением энергии, силы, устремленности к цели, напротив, там он был обездвижен и выпускал пар, который мог бы привести его в движение. А здесь, во втором стихотворении, у парохода обнаруживается «железная грудь», которой он разрезает воды Амура. Сама метафора эта многозначна и предельно выразительна: у изображаемого Волковым парохода не «нос» (по общепринятой, привычной для всех терминологии), а «грудь», причем «железная». Автор получившей в 1990-е годы широкую известность книги «Онтологический взгляд на русскую литературу» писал, комментируя сюжеты произведений отечественной словесности XIX века: «Железо — металл недобрый... металл разрубающий, разрезающий... <...> ...металл сугубо мужской и милитаристский» (см.: [Карасев, 1995, с. 53–54]). В соответствии с этими представлениями об «онтологических» свойствах запечатленного русскими писателями «милитаристского» металла, «железная грудь» парохода в стихотворении Волкова должна была бы восприниматься и трактоваться как знак, символ имперской, военной мощи России, как проявление непреклонности ее державной поступи, направленной на освоение (в терминологии рубежа XIX–XX веков — «колонизацию») Амурского края. Однако сам контекст стихотворения, его элегическая тональность, его образный строй противятся такой «расшифровке» ключевой метафоры. Прославления, культа «имперских», тем более «милитаристских» идеалов и настроений

в этом произведении нет. В стихотворении «Бросает на небо заря позолоту...» пароход, как и Россия в целом, несет Амурскому краю, образно выражаясь, не меч, но мир. По справедливому замечанию А. В. Урманова, образ парохода, сравнительно часто встречающийся в стихотворениях Волкова об Амуре, символизирует, «во-первых, связь, соединение двух берегов пограничной реки, во-вторых, техническую мощь России, неотвратимость пришедших вместе с нею на Амур позитивных перемен» [Урманов, 2010, с. 293]. Позитивных, в представлении поэта, и для Китая, для тех, кто живет на правом берегу реки.

Заключение

В пейзажных зарисовках на амурскую тему Л. Волкова почти всегда присутствуют ключевые топосы. Центральное место среди них занимает река Амур. В культуре многих народов мира доминирует представление о «пограничной» функции реки: она — рубеж между «своим» и «чужим» мирами. У Волкова-лирика Амур — межа, не только разделяющая, но связывающая русских и маньчжуров, Россию и Китай.

Следующие по значимости топосы — показываемые или подразумеваемые берега, на которых живут представители двух соприкоснувшихся на Амуре цивилизаций, культур, этносов. Если Волков обозначает или рисует всего один из двух берегов, то обычно правый, маньчжурский. Одна из причин, по которой внимание фокусируется на нем, состоит в том, что лирический субъект обычно находится на левом берегу и оттуда осматривает противоположный, правый, который притягивает его взгляд, мысли, чувства, воображение.

Подобные представления лежат в основе всего выстраиваемого поэтом художественного мира. Лирический герой стихотворений «Зеркальное лоно Амура...», «Бросает на небо заря позолоту...» находится на линии соприкосновения двух миров — российского, русского и маньчжурского, китайского. А между ними, этими мирами, всегда показывается Амур — особый, функционально многозначный, в какой-то степени мифологический по своей природе образ. Автор наделяет его свойствами ключевого, структурообразующего компонента пространственной картины мира.

Почти всегда, рисуя находящуюся в постоянном движении горизонталь — «широкую» и «могучую» реку, поэт обязательно прочерчивает и вертикаль, устремленную в небо. В изображении Волкова небо еще в большей степени, чем река, — общее для русских и маньчжуров. Природный мир в видении поэта — общее достояние народов, то, что сближает, связывает, соединяет их.

Особого внимания заслуживает и образ парохода — проводника между двумя берегами и шире — двумя мирами. В художественной картине мира поэта это не только средство передвижения, но и способ соединения (при отсутствии мостов на Амуре), сближения двух граничащих друг с другом стран. Упомянутая поэтом деталь — «железная грудь» парохода — вопреки стереотипному представлению не имеет «имперского», милитаристского подтекста. Скорее наоборот: это символ прочных, железных связей, которые со временем будут только крепнуть.

По мнению Л. Волкова, это наиболее естественный путь для России: жить в мире с соседними народами, у которых к тому же есть чему поучиться, в данном случае — трудолюбию, простоте жизни, умению обретать гармонию и внутри себя, и во взаимоотношениях с окружающим миром. Через призму «чужого» поэт размышляет о «своем».

Для того чтобы эти размышления оказались близки читателю, Волков задействует различные уровни организации произведения: жанровую специфику элегии; образно-ассоциативный ряд, наполняемый индивидуально-авторским смыслом; языковые ресурсы, которые становятся средством усиления выразительности.

Список источников

1. Амурские лирики рубежа XIX–XX веков: избранные произведения. Из золотого фонда литературы Приамурья / сост., подгот. текстов, вступ. ст., предисл. к разделам, примеч. А. В. Урманова. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2023. — Кн. I. — 304 с.
2. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Полное собрание сочинений : в 13 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. — Т. 5. — 1954. — С. 7–67.
3. Гаршин А. А. Архивы открывают окно в прошлое. Найдены документы о первом амурском поэте Леониде Волкове и его семье // Амур : лит. альм. БГПУ. — 2023. — № 22. — С. 110–128.

4. Карасев Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. — М. : Изд-во РГГУ, 1995. — 104 с.
5. Козлов В. Элегия неканонического мира // Арион. — 2011. — № 2. — С. 79–91.
6. Козлов В. И. Русская элегия неканонического периода: типология, история, поэтика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. — М., 2013. 48 с.
7. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. — М. : Эксмо, 2006. — 669 с. — URL : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (дата обращения: 13.01.2023).
8. Кусмидинова М. Х. Интерпретация образа реки в мифологии // Философское мировоззрение и картина мира : материалы всерос. науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. — С. 190–194.
9. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. — М. : Сов. энцикл., 1981. — 784 с.
10. Лосев А. В. «Первый амурский поэт»: очерк жизни и творчества Л. П. Волкова // Амур : лит. альм. БГПУ. — 2005. — № 4. — С. 31–47.
11. Лосев А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А. В. Урманова. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. — 348 с.
12. Лю Ин. Стихотворная сатира Ф. И. Чудакова: проблематика и поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.1. — Благовещенск, 2023. — 182 с.
13. Масюков П. Ф. Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья. — Благовещенск : Тип. т-ва Д. О. Мокин и Ко, 1894. — 221 с.
14. Сочинения Л. П. Волкова. — Хабаровск : Тип. штаба Приамурск. воен. округа, 1902. — 283 с.
15. Урманов А. В. Тема Китая в дореволюционной литературе Приамурья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Забияко. — Благовещенск : Амурск. гос. ун-т, 2010. — Вып. 9. — С. 286–301.
16. Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. — Рига : Зинатне, 1988. — 456 с.
17. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. — М. : Наука, 1973. — 166 с.
18. Фризман Л. Г. Элегия // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. — М. : Сов. энцикл., 1962–1978. — Т. 8. — 1975. — Стб. 866–867.
19. Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 27 июня 1890 г. Благовещенск // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. — М. : Наука, 1975. — Т. 4 : Письма, январь 1890 — февраль 1892. — С. 126–128.
20. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. — 北京 : 商务印书馆, 2020. — 1800 页. [Современный словарь китайского языка / ред. : Ин-т языков ; Кит. акад. обществ. наук. — Пекин : Шан-у-инь-шу-гуань, 2020. — 1800 с.].

References

1. *Amurskiye liriki rubezha XIX–XX vekov: izbrannyye proizvedeniya. Iz zolotogo fonda literatury Priamurya* [Amur lyric poets of the turn of the 19th–20th centuries: selected works. From the golden fund of the literature of the Amur Region]. Comp., prep. of texts, intr., prefaces to sections, notes by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2023, bk. I, 304 p. (In Russian).
2. Belinsky V. G. Division of poetry into genera and types. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Publ. house of the USSR Academy of Sciences, 1953–1959, vol. 5, 1954, pp. 7–67. (In Russian).
3. Garshin A. A. Archives open a window into the past. Documents about the earliest Amur poet Leonid Volkov and his family. *Amur: lit. almanakh BGPU* [Amur: Amur: literary almanac]. 2023, iss. 22, pp. 110–128. (In Russian).
4. Karasev L. V. *Ontologicheskiy vzglyad na russkuyu literaturu* [Ontological view of Russian literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995, 104 p. (In Russian).
5. Kozlov V. Elegy of the non-canonical world. *Arion* [Arion]. 2011, iss. 2, pp. 79–91. (In Russian).
6. Kozlov V. I. *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: tipologiya, istoriya, poetika* [Russian elegy of the non-canonical period: typology, history, poetics]. Abstract of dissertation of doctor of philology: 10.01.01. Moscow, 2013, 48 p. (In Russian).
7. Komlev N. G. *Slovar inostrannykh slov* [Dictionary of borrowed words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 669 p. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (accessed: 13.01.2023). (In Russian).
8. Kusmidinova M. Kh. Interpretation of the image of the river in mythology. *Filosofskoye mirovozzreniye i kartina mira: materialy vseros. nauch. konf.* [Philosophical worldview and picture of the world: materials of the all-Russian scientific conference]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2009, pp. 190–194. (In Russian).

9. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Ed.-in-chief V. A. Manuilov. Moscow, Sov. encyclopedia Publ., 1981, 784 p. (In Russian).
10. Losev A. V. “The First Amur Poet”: an essay on the life and work of L. P. Volkov. *Amur: lit. alm. BGPU* [Amur: lit. alm. of BSPU]. 2005, iss. 4, pp. 31–47. (In Russian).
11. Losev A. V. *Izbrannyye trudy po literaturnomu krayevedeniyu Priamurya* [Selected works on local literary history of the Amur Region]. Comp., ed., intr., notes by A. V. Urmanov. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2011, 348 p. (In Russian).
12. Liu Ying. *Stikhotvornaya satira F. I. Chudakova: problematika i poetika* [F. I. Chudakov’s verse satire: problems and poetics]. Dissertation of candidate of philology: 5.9.1. Blagoveshchensk, 2023, 182 p. (In Russian).
13. Masyukov P. F. *Otgosloski s verkhovnyev Amura i Zabaykalya* [Echoes from the upper reaches of the Amur and Transbaikalia]. Blagoveshchensk, Mokin and Co. Publ., 1894, 221 p. (In Russian).
14. Volkov L. P. *Sochineniya L. P. Volkova* [Works]. Khabarovsk, Primorsk military district Publ., 1902, 283 p. (In Russian).
15. Urmanov A. V. The Theme of China in Pre-Revolutionary Literature of the Amur Region. *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh. Russkiye i kitaytsy: regionalnyye problemy etnokulturnogo vzaimodeystviya: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russians and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Interaction: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conf.]. Ed. by A. P. Zabiako. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2010, iss. 9, pp. 286–301. (In Russian).
16. Fedorov F. P. *Romanticheskiy khudozhestvennyy mir: prostranstvo i vremya* [Romantic artistic world: space and time]. Riga, Zinatne Publ., 1988, 456 p. (In Russian).
17. Frizman L. G. *Zhizn liricheskogo zhanra. Russkaya elegiya ot Sumarokova do Nekrasova* [Life of the lyrical genre. Russian elegy from Sumarokov to Nekrasov]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 166 p. (In Russian).
18. Frizman L. G. *Elegy. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 t.* [Brief literary encyclopedia: in 9 vols.]. Ed. by A. A. Surkov. Moscow, Sov. encyclopedia Publ., 1962–1978, vol. 8, 1975, clmn. 866–867. (In Russian).
19. Chekhov A. P. Letter to Suvorin A. S., June 27, 1890, Blagoveshchensk. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Pisma: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, vol. 4: Letters, Jan. 1890 — Feb. 1892, pp. 126–128. (In Russian).
20. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2020, 1800 页 [Modern Dictionary of the Chinese Language. Institute of Languages; Chinese Academy of social sciences, Beijing, Shan-wu-yin-shu-guan, 2020, 1800 p.]. (In Chinese).

Информация об авторе

Чжай Ли — аспирант кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета; преподаватель факультета русского языка Харбинского научно-технического университета.

Сфера научных интересов: русская литература XIX века, литература Приамурья.

Information about the author

Zhai Li — postgraduate student at the Department of Russian Language and Literature at Blagoveshchensk State Pedagogical University; lecturer at the Faculty of Russian Language at Harbin University of Science and Technology.

Research interests: Russian literature of the 19th century, literature of the Amur Region.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; принята к публикации 12.06.2024.

The article was submitted 20.05.2024; accepted for publication 12.06.2024.